

На правах рукописи

МАРТЫШКО Никита Юрьевич

**СМЫСЛОВАЯ МОДИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Желтухина Марина Ростиславовна.

Официальные оппоненты: *Хижняк Сергей Петрович*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой английского языка, теоретической и прикладной лингвистики);

Пономарева Ольга Александровна, кандидат филологических наук (ФГБОУ ВПО «Волгоградская государственная академия физической культуры», доцент кафедры иностранных языков).

Ведущая организация – Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВПО «КубГУ»).

Защита состоится 20 марта 2015 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpi.org> 19 января 2015 г.

Автореферат разослан 30 января 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование выполнено в русле юрислингвистики и прагмалингвистики.

В качестве **объекта** изучения рассматриваются терминологические формулировки, употребляющиеся в текстах современных российских законодательных, подзаконных и иных нормативно-правовых актов. **Предметом** исследования являются смысловые модификации юридических терминов, функционирующих в системе российского права.

Актуальность работы обусловлена интенсивным развитием юридического дискурса и повышением внимания научного сообщества к вопросам, связанным с функционированием юридической терминологии в нормативно-правовых актах; обострением проблем, связанных с практическим применением и истолкованием терминологических единиц, употребляющихся в юридических текстах; эволюцией правового сознания и недостаточной изученностью особенностей восприятия юридической терминологии носителями естественного языка.

В своем исследовании мы вслед за Н. Д. Голевым рассматриваем юридический язык как специальный язык, обслуживающий область права и вступающий с естественным языком в двунаправленные отношения, одновременно заимствуя его единицы для формирования тезауруса и регулируя его использование методами правотворчества. Составляющими юридического текста являются юридические термины – слова или словосочетания, обозначающие ключевые понятия правовой нормы (С. П. Хижняк), функции которых обуславливают применение к ним ряда строгих критериев соответствия (В. Б. Исаков, Д. И. Милославская, С. П. Хижняк). В то же время юридизация и формализация языка права не могут быть абсолютными даже в законодательном дискурсе, где они проявляются с наибольшей яркостью (Н. Д. Голев), что объясняет возникновение обратного процесса, при котором носитель естественного языка интерпретирует компоненты юридического языка с позиции непрофессионала. Помимо непосредственно правовых актов, в ходе законодотворческой деятельности составляются интерпретационные тексты, призванные минимизировать риск неверного восприятия обозначаемых терминологическими единицами юридических норм. Данная двойственная, диалогическая специфика правовой коммуникации позволяет нам обозначить законодательный дискурс как особую разновидность юридического дискурса, включающую в себя тексты, сконструированные в процессе разработки, создания, утверждения и истолкования правовых актов.

В основу концепции диссертационного исследования положена следующая **гипотеза**: в ходе конструирования, утверждения и применения в юридической практике терминологические единицы, призванные обслуживать законодательный дискурс, претерпевают множественные семантические мо-

дификации, обусловленные рядом взаимосвязанных факторов и способные приводить к затруднению определения вложенного в них правового смысла или к его устранению.

Целью работы является исследование смысловых модификаций юридических терминов в современном российском законодательстве.

Основными **задачами**, которые решаются в ходе достижения цели исследования, стали следующие:

1) определение типовых трудностей терминологизации единиц естественного языка в юридическом тексте;

2) выявление типовых нарушений требований к юридической терминологии, указание на их последствия и способы устранения;

3) исследование проблемы манипулятивного потенциала российской юридической терминологии и разработка рабочей классификации манипулятивных терминов;

4) выявление дефектов, возникающих при конструировании новых терминологических единиц, обозначающих вновь возникающие правовые реалии;

5) изучение специфики заимствований иноязычной юридической терминологии и определение случаев, в которых целесообразно использование данных заимствований;

б) разработка экспериментальной модели анализа юридического термина как системы значений.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе анализа юридических текстов нами определены пути устранения основных проблем, связанных с некорректным конструированием и использованием юридических терминов в российском законодательстве, выявлены особенности семантических модификаций юридических формулировок. **Личный вклад соискателя** заключается в том, что в работе подробно исследована проблема функционирования манипулятивных формулировок в российском законодательстве и манипулятивного потенциала российской юридической терминологии, разработана рабочая классификация манипулятивных юридических терминов, предложена интерпретативная модель юридического термина.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие юрислингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, теории дискурса, лингвосемиотики, уточняя понятие законодательного дискурса, механизмы взаимодействия специального юридического и естественного языков, особенности восприятия терминологических единиц и их семантических модификаций в текстах нормативно-правовых актов.

Практическая ценность работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы в рамках специализированных курсов по юридической лингвистике, юридической технике, стилистике правового текста, тео-

рии права, социо- и прагмалингвистике, теории дискурса и терминоведению. Отдельные части работы могут найти применение в ходе осуществления лингвистических экспертиз законопроектов и юридических текстов. Кроме того, проведенный нами анализ ряда терминологических формулировок может способствовать их пересмотру, дополнению или конкретизации с целью улучшения функционирования тех правовых актов, в которых они употребляются.

Материалом исследования послужил корпус законодательных, подзаконных и иных нормативно-правовых актов, принятых в Российской Федерации или в ее субъектах, а также внесенных на рассмотрение и находящихся на стадии разработки, утративших силу и отозванных. Кроме этого, исследовались отдельные иноязычные терминологические единицы, а также формулировки, внесение которых в законопроекты предполагалось, однако не было осуществлено. Общий объем проанализированного материала составил около 103 п.л.

Методику исследования определили цель и направленность работы. В частности, применялись:

1) *метод дедуктивно-индуктивного логического анализа* законодательных текстов;

2) *описательный метод*, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию и классификацию терминологических единиц;

3) *метод дискурс-анализа* для выявления специфики законодательного дискурса и протекающих в нем процессов;

4) *метод семантического анализа языковых знаков*, связанный с рассмотрением свойств значений лексических единиц;

5) *сравнительный метод*, применение которого было обусловлено необходимостью сличения различных интерпретаций терминологических единиц;

б) *метод интроспекции*, в рамках которого собственные наблюдения за спецификой восприятия терминологических единиц профессиональными юристами и носителями естественного языка включались в практическую базу исследования.

Методологическая концепция работы связана с применением интерпретационного и формального подходов к изучению явления терминологической однозначности, с предпочтением интерпретационного.

Теоретическую базу диссертации составили исследования в следующих областях:

– юрислингвистика (D. Cao, G. Cornu, S. Guinchard, C. Heffer, P. Lerat, M. Soignet, А. Е. Босов, Л. С. Бурдин, Н. Н. Вопленко, Н. Д. Голев, Ю. А. Грищенко, Т. В. Губаева, М. Л. Давыдова, М. Р. Желтухина, В. Б. Исаков, М. В. Костромичева, А. М. Кузнецов, Н. Б. Лебедева, Д. И. Милославская, Н. В. Солнцева, С. В. Сыпченко, В. Ю. Туралин, С. П. Хижняк, Т. В. Чернышова, И. И. Чесноков, Л. А. Шестак и др.);

- теория права (С. С. Алексеев, Н. В. Варламова, А. В. Волков, М. Л. Гаскарова, Н. М. Добрынин, А. А. Зелепукин, И. В. Колесник, А. В. Минбалеев, М. А. Пшеничников и др.);
- юридическая техника (D. Hirsch, И. Н. Бокова, В. Ю. Картухин, Е. А. Крюкова, А. П. Кузнецов, Ю. Ю. Кулакова, С. К. Магомедов, Л. Ю. Фомина, А. В. Черехаев, Б. В. Чигидин и др.);
- юридическая герменевтика (А. В. Васюк, З. Х. Ловпаче и др.);
- речеведение, риторика, стилистика (Т. В. Анисимова, В. И. Жельвис, Н. А. Крапчетова, М. И. Парасуцкая, Н. К. Пригарина, В. И. Шаховский и др.);
- лексикология, терминоведение (Л. Ю. Буянова, В. Ф. Новодранова, С. П. Хижняк и др.);
- социолингвистика, теория дискурса (М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, А. В. Олянич, И. В. Палашевская, О. А. Пономарева, Л. Е. Попова и др.);
- теория юридического перевода (J. C. G emar, F. Houbert, J. Kerby, M. Weston, Г.-Р. де Гроте, М. М. Мушнина и др.).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Существуют определенные трудности терминологизации естественного языка в законодательном тексте, обусловленные как особенностями естественного языка, так и спецификой законодательного дискурса. К первым относятся: 1) наличие у подвергающегося терминологизации слова или словосочетания специфической коннотации в естественном языке, способной помешать адекватному восприятию его юридического значения; 2) использование при конструировании новых юридических терминов таких слов, которые не имеют однозначного истолкования в естественном языке; ко вторым – 3) отсутствие определений у терминов, препятствующее корректному их восприятию правоприменителем.

2. В современном российском законодательстве частотны случаи нарушения требований, предъявляемых к терминологическим единицам при их конструировании, особенно требования точности и однозначности (более 45% от всех выявленных смысловых модификаций), что приводит к размыванию или подмене вкладываемого в них правового смысла и трудностям при правоприменении.

3. Несоблюдение основополагающих требований к юридическим терминам провоцирует возникновение манипулятивных терминологических единиц, заведомо ориентированных на искажение правовой картины мира адресата законодательного текста, а также ведет к формированию у терминологизируемых лексических единиц манипулятивного потенциала, позволяющего применять их с целью введения правоприменителя в заблуждение; из-за несовершенства юридической техники и небрежного подхода к законотворческой деятельности в российском праве сложился обширный (более 34% от всех выявленных смысловых модификаций) массив потенциально манипулятивных формулировок, который непрестанно расширяется.

4. Наиболее подвержены дефектам терминологические единицы, создаваемые для обозначения неизвестных ранее правовых реалий, вследствие чего эффективное законодательное регулирование быстро развивающихся сфер общественной жизни оказывается существенно затруднено.

5. Обоснованные терминологические заимствования из международного права являются потенциально перспективным средством устранения наличествующих в российском законодательстве лингвистических нарушений и сближения терминосистемы российского права с общемировой.

6. С точки зрения интерпретационного подхода юридический термин может рассматриваться в качестве сложной системы значений-интерпретаций, возникающих в процессе терминологизации единицы естественного языка и ее внесения в корпус законодательных текстов. Такие значения взаимосвязаны и основаны на том правовом смысле, который изначально вкладывается в термин законотворцем, однако в силу специфики юридического языка могут в значительной степени расходиться, что чревато возникновением манипулятивных и дефектных терминов права.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на заседаниях и научных семинарах научно-исследовательских лабораторий «Аксиологическая лингвистика» и «Дискурсивная лингвистика»; на Международной научной интернет-конференции «Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения» в Волжском гуманитарном институте (филиале) Волгоградского государственного университета (Волжский, 1–30 апр. 2010 г.); I и II международных научно-практических интернет-конференциях «Язык и право. Актуальные проблемы взаимодействия» в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону, 15 нояб. 2011 г., 15 нояб. 2012 г.); II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной коммуникативной культуры: вопросы теории и практики» в Кузбасской государственной педагогической академии (Новокузнецк, 19–20 апр. 2012 г.); на научно-практической конференции «Интегрированные коммуникации 2012» в Высшей школе экономики (Москва, 17 апр. 2012 г.); V Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» в Российском университете дружбы народов (Москва, 20–21 апр. 2012 г.); научно-практическом семинаре «От текста к печатному изданию. Проблемы филологического анализа и редакторской подготовки» в Волгоградском государственном университете (Волгоград, 22 мая 2012 г.); на II Международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах» в Московском государственном университете (Москва, 21–22 нояб. 2012 г.); VII Международной научной конференции «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» в Волгоградском госу-

дарственном университете (Волгоград, 6 февр. 2013 г.), а также на X Международном конгрессе ISAPL «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика» в Российском университете дружбы народов (Москва, 26–29 июня 2013 г.).

Результаты исследования отражены в 13 публикациях суммарным объемом 5,9 п.л., включая 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы включает введение, две главы, заключение, библиографию, список лексикографических источников, список анализированных правовых актов. Общий объем диссертации составляет 9,5 п.л.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Специфика взаимосвязи естественного и юридического языков и проблемы анализа юридической терминологии» посвящена раскрытию основных теоретических положений исследования и выявлению ключевых характеристик юридической терминологии, связанных с ее функционированием в текстах законодательных актов.

В разделе 1.1 анализируются подходы современных российских (А. В. Волков, Н. Д. Голев, М. Л. Давыдова, С. П. Хижняк, А. Н. Шепелев и др.) и зарубежных (Г.-Р. Гроте, D. Cao, J. Wróblewski и др.) ученых к определению базовых понятий, используемых в настоящей работе: «юридический язык», «юридический текст» и «юридический термин». Оговаривается специфика юридического языка как языка для специальных целей, исследуется вопрос единства или множественности национальных юридических языков, указывается на особенность соотношения между понятиями юридического языка и юридической техники, освещается структурная иерархия языка права, перечисляются основополагающие характеристики юридической терминологии в ее системообразующем аспекте.

Раздел 1.2 посвящен особенностям взаимосвязи естественного и юридического языков и их двунаправленным отношениям. На основе работ Н. Д. Голева, В. Б. Исакова, Д. И. Милославской, С. П. Хижняка, Д. В. Чухвичева и других исследователей выделяются специфические черты связей, возникающих между естественным и юридическим языками, и базовые требования к юридическим терминам, соблюдение которых необходимо для их эффективного функционирования в текстах нормативно-правовых актов. На основании проанализированного теоретического материала делаются следующие выводы:

1) естественный язык находится с юридическим во взаимозависимых двунаправленных отношениях, выступая одновременно источником его формирования и объектом его применения;

2) степень юридизации единиц естественного языка варьируется в зависимости от специфики текстов, в которых они используются, и достигает максимума в законодательном дискурсе;

3) язык права, и особенно закона, подчинен требованиям строгой внутренней логики и вследствие этого обладает специфическим стилем, предлагающим минимальную экспрессивность и отсутствие оценочности.

Помимо этого, мы вслед за Д. И. Милославской обобщенно определяем требования к юридической терминологии как точность и однозначность, устойчивость и системность, общепризнанность, трактуя их в широком смысле.

В разделе 1.3 мы переходим к рассмотрению подходов к анализу юридической терминологии на предмет ее соответствия требованию точности и однозначности, которое определяем среди вышеперечисленных как ключевое. Нами выделяются два подхода к исследованию данной проблемы, используемые современными юрислингвистами, а именно интерпретационный и формальный. Согласно нашим выводам, при интерпретационном подходе в центре внимания находится проблема адекватной интерпретации юридической терминологии на разных уровнях правовой коммуникации, а понятие «терминологическая точность и однозначность» рассматривается с точки зрения взаимосвязи естественного и юридического языков, особенностей языкового сознания профессиональных юристов, изменений языковых смыслов при переходе слов из естественного языка в юридический, психологических особенностей адресата и адресанта законодательных текстов. Формальный подход более тесно связан с практическими аспектами применения юридической техники и технологии, устранением вероятных смысловых конфликтов между текстами законодательных актов, общими вопросами стилистики законодательных текстов и спецификой употребления в них терминологических единиц. Мы обосновываем необходимость использования интерпретационного подхода к анализу юридической терминологии на предмет соответствия критерию точности и однозначности для нужд данного исследования.

В разделе 1.4 затрагивается вопрос о взаимосвязи юридического языка и явления правосознания. На основе работ М. Р. Желтухиной, Н. Б. Лебедевой, З. Х. Кочесокова, В. Ю. Туранина и других ученых нами сделан вывод о том, что вследствие тесной связи между процессами, происходящими внутри правовой системы, в юридическом языке и в социуме в целом, повышается степень влияния языка права на становление и развитие правового сознания граждан. В связи с этим необходимо более тщательно подходить к рассмотрению языковых факторов, учитывать особенности психологии адресатов и адресантов законодательных актов и рассматривать законодательный дискурс как пространство диалогической, динамичной коммуникации, а не как застывшую и неизменную систему, лишенную обратной связи. Доказывая непосредственное влияние юридического языка на правосознание, мы обос-

новываем необходимость учета экстралингвистических факторов и интерпретационного потенциала при анализе юридической терминологии.

Раздел 1.5 посвящен обзору направлений и методов по оптимизации терминосистемы российского права, выделяемых современными исследователями. Опираясь на работы Т. В. Губаевой, Е. А. Крюковой, Д. И. Милославской, А. К. Соболевой, В. Ю. Туранина и др., мы обобщаем и перечисляем типичные ошибки и недочеты, свойственные ныне используемым в законодательстве терминам и формулировкам, среди которых:

- 1) несоответствие стилистическим нормам языка права и нормам орфографии, пунктуации, синтаксиса естественного языка;
- 2) отсутствие единообразия (нарушение требования устойчивости);
- 3) излишняя декларативность терминов и дефиниций;
- 4) недостаточная точность и однозначность трактовок терминов;
- 5) ошибки при некорректном заимствовании иноязычных лексических единиц.

Нами также рассматриваются пути решения указанных проблем; на основе публикаций ученых-юрислингвистов мы делаем вывод о том, что для полного устранения терминологических проблем необходим комплексный многоуровневый процесс реформирования терминосистемы российского законодательства, первым этапом которого должна стать оптимизация – ревизия уже функционирующих терминологических единиц, удаление из правовых документов ложноориентирующих формулировок, проведение комплексных экспертиз законопроектов; кодификация (создание новых словарей и тезаурусов, утверждение нормативно-правовых актов, регламентирующих правила конструирования юридических терминов) воспринимается нами как логически последующий этап, проходящий параллельно с приведением терминологических единиц к единым стандартам и уточнением их дефиниций, а завершением данного процесса может стать разработка универсальной онтологической схемы российского права.

Во второй главе «**Особенности семантических модификаций юридической терминологии в современном российском законодательстве**» исследуются смысловые изменения, которым подвергаются конкретные юридические термины в процессе правоприменения, а также анализируются причины, приводящие к проблемам и трудностям при адекватной интерпретации правового смысла терминологических единиц адресатами законодательных актов.

Раздел 2.1 посвящен типовым трудностям терминологизации единиц естественного языка в законодательном тексте. Специфика законодательного текста заключается в том, что в нем юридизация естественного языка достигает максимума – практически каждое значимое слово, используемое в нормативно-правовом акте, должно наделяться правовым смыслом, т. е. обозначать строго определенное понятие, правовую реалию. Привнесенные в юри-

дический текст из естественного языка слова или словосочетания подвергаются терминологизации и используются для выражения понятий, имеющих правовой смысл. В ходе данного процесса могут возникать различные затруднения, связанные с различием между коннотациями слов в естественном языке и подразумеваемыми юридическими значениями. В ряде случаев единицы естественного языка, обладающие интуитивно понятными значениями, не могут приобретать строго определенный правовой смысл без создания развернутых дефиниций: такие термины, как *короткий отрывок* и *малообъемное произведение*, оказываются некорректными в силу того, что основаны на индивидуально трактуемых лексических компонентах и при отсутствии у них зафиксированных в законодательстве определений лишаются способности передавать точные юридические понятия. Терминологизация слов, имеющих оценочные или экспрессивные коннотации, также чревата утратой образующимися формулировками правового смысла, как в случаях со словосочетаниями *негативная информация* и *негативная реклама*, где прилагательному *негативная* не придается никакого юридического значения, вследствие чего его трактовка может оказываться сколь угодно широкой. Характерным примером подобной практики является и словосочетание *традиционные семейные ценности*, которое вследствие отсутствия детально проработанной дефиниции и наличия оценочной коннотации теряет реальный правовой смысл, становясь открытым для любых интерпретаций.

При перенесении в юридический текст лексических единиц, обозначающих в естественном языке близкие по содержанию реалии, может возникнуть проблема терминологической синонимии и неразличения понятий, приводящего к нарушению требования устойчивости терминов: так, подобная ситуация наблюдается в случае с терминами *воспроизведение*, *копирование* и *репродуцирование*, которые при наличии различных дефиниций в рамках одного и того же текста (ГК РФ) функционируют как полные взаимозаменяемые синонимы, и с терминологической парой *символика* – *атрибутика*, где подразумевается, что обе лексические единицы обозначают отдельные самостоятельные реалии, однако вследствие непроясненности вопроса относительно их различий как в естественном, так и в юридическом языке сливаются в единое сочетание с размытым и неопределенным юридическим значением. Таким образом, в ходе исследования были выявлены следующие основные трудности, возникающие при перенесении единиц естественного языка в юридический текст:

- 1) наличие у подвергающегося терминологизации слова или словосочетания специфической коннотации в естественном языке, способной помешать адекватному восприятию его юридического значения (*негативная информация*, *традиционные семейные ценности*);

- 2) использование при конструировании новых юридических терминов таких слов, которые не имеют однозначного истолкования в естественном

языке (*символика и атрибутика*);

3) отсутствие определений у терминов, препятствующее корректному их восприятию правоприменителем (*короткий отрывок, малообъемное произведение*).

В разделе 2.2 анализируются нарушения требования терминологической точности и однозначности в российском законодательстве и предлагаются способы их устранения. Отмечается, что тексты многих законодательных актов не могут считаться удовлетворяющими всем критериям нормы в отношении употребления юридической терминологии. Зачастую терминологические формулировки оказываются сложными в интерпретации, а их правовой смысл выражен неясно вследствие отсутствия или недостаточной конкретизации дефиниций. Так, терминологическое словосочетание *экземпляры текста, созданные при помощи компьютеров и (или) хранящиеся в их банках и базах данных* нарушает требование точности, поскольку не дает правоприменителю и рядовому читателю юридического текста представления о своем подлинном значении: не указывается, какие именно экземпляры текста могут считаться созданными при помощи компьютера, в каком виде они должны храниться в банках и базах данных для соответствия указанному определению, как подсчитывается их тираж и т.п., что для законодательства в сфере СМИ, в рамках которого используется упомянутый термин, юридически значимо. В отдельных случаях требование точности и однозначности нарушается по той причине, что термин функционирует в правовом поле без определения, как в случае с термином *внештатный сотрудник*, что приводит к разночтениям. Употребление в законодательном тексте таких единиц естественного языка, как *преимущественно, в целом, систематически* также может создавать помехи при интерпретации нормативно-правовых актов, поскольку их интерпретация в каждом конкретном случае оставляется на усмотрение правоприменителя и не привязана ни к каким точным показателям. Для устранения нарушений точности и однозначности предлагается применять следующие меры:

1) включать в законодательные акты отдельные статьи или же приложения, содержащие дефиниции ключевых терминологических единиц, употребляемых в их тексте;

2) отказаться от использования во вновь создающихся законодательных актах тех терминов, которые не зафиксированы в других правовых документах и не имеют на данный момент законодательно утвержденных определений;

3) устранить из законодательства те нетерминологические единицы, которые трактуются правоприменителем субъективно и не несут существенного правового значения;

4) устранить прямые расхождения между законодательными актами, возникающие в силу различной трактовки одних и тех же терминов, путем

проведения редактирования.

Раздел 2.3 посвящен анализу функционирования манипулятивных формулировок в современном российском законодательстве и рассмотрению явления манипулятивного потенциала юридической терминологии. Поскольку юридический язык неразрывно связан с языком естественным, было бы ошибкой пренебрегать при анализе и оценке юридической терминологии спецификой восприятия конкретных терминологических единиц носителями языка – не только профессиональными юристами и лингвистами, но и рядовыми гражданами, не имеющими специального образования. В ситуации, когда некий правовой акт ориентирован на восприятие рядовыми носителями естественного языка, не всегда знакомыми с языком юридическим, может возникнуть проблема расхождения трактовки одного и того же понятия; несмотря на то, что ее относительно просто решить, она чревата также и другой проблемой, заключающейся в возникновении возможности для манипулирования сознанием адресата правового акта. Юридический термин, использованный некорректно, может сделаться инструментом манипуляции, средством введения субъекта права в заблуждение; это может привести к большим трудностям и нежелательным последствиям при правоприменении. Манипулятивным влиянием мы признаем введение субъекта права в заблуждение относительно истинного правового смысла того или иного термина, а в отдельных случаях – относительно наличия у лексической единицы корректного правового смысла как такового. Исходя из этого определения, мы выделяем термины, которые создаются специально для манипулирования общественным сознанием, и термины, обладающие определенным манипулятивным потенциалом. Близким подобием манипулятивных терминов являются «тупиковые» формулировки, в строгом смысле слова не являющиеся терминологическими, однако часто содержащие в себе термины из той или иной области права, суть действия которых сводится к перекладыванию правоприменительной практики на другие законодательные акты, в которых, в свою очередь, нет никаких указаний на то, каким образом данные нормы должны реализовываться.

К манипулятивным терминам мы отнесем следующие подгруппы терминологических единиц:

1) термины, которые по своему содержанию дублируют уже имеющиеся, однако используются с целью создания видимости наличия смыслового различия между ранее существовавшим и новым терминами;

2) термины, изначально лишённые определений и созданные исключительно с целью создания видимости наличия у них юридического значения;

3) термины, созданные на основе лексических единиц естественного языка, имеющих явную оценочную окраску, и служащие для представления некоего явления в положительном или отрицательном контексте в соответствии с целями адресанта.

Характерным примером манипулятивного термина представляется

термин *полиция*, созданный как якобы обладающий новым, отличным по сравнению с термином *милиция* правовым смыслом, однако по своему юридическому значению полностью его дублирующий. Целью его включения в законодательство, на наш взгляд, являлись сиюминутные цели правотворцев и желание создать у граждан видимость реальных изменений в сфере деятельности органов охраны правопорядка. Схожим образом функционируют терминологические единицы, лишённые дефиниций и устойчивых юридических значений, приобретающие тот правовой смысл, который выгоден правоприменителю в каждом отдельном случае; так, термин *политическая деятельность* из-за отсутствия определения превращается в инструмент манипуляции, каждый раз принимая те значения, которые в него вкладываются в определенном правовом контексте.

Среди терминов, обладающих манипулятивным потенциалом, мы выделяем следующие подгруппы:

1) термины и терминологические словосочетания, которые состоят из лексических компонентов, имеющих специфическую семантику в естественном языке, однако не имеющих таковой в языке юридическом;

2) термины, не имеющие однозначного определения и оставляющие возможность для заведомо ложных толкований, которые могут быть восприняты адресатом как истинные;

3) совмещение первых двух вариантов – терминологическое словосочетание, один из компонентов которого вовсе не имеет определения и толкования в юридическом языке, тогда как в естественном языке ему присущи и вполне определенное содержание, и явная оценочная коннотация.

Возникновение у конкретной терминологической единицы манипулятивного потенциала чаще всего объясняется ее несоответствием критериям, которые предъявляются к юридическим терминам, при их формулировании и создании. Коренное отличие таких единиц от непосредственно манипулятивных терминов – наличие у них юридического значения (пусть и не вполне определенно выраженного); однако их правовой смысл передается таким образом, что его восприятие адресатом законодательного текста может быть легко искажено. Нам представляется возможным выделить несколько типовых нарушений требований, предъявляемых к юридическим терминам, которые могут приводить к возникновению возможностей для использования отдельных формулировок с целью манипулирования:

1) нарушения требования однозначности – отсутствие определения, наличие нескольких противоречивых определений, наличие определения в естественном языке при его отсутствии в языке юридическом;

2) нарушения требования общеупотребительности – коренное противоречие между смыслом термина в естественном языке и его толкованием в юриспруденции;

3) нарушения требования устойчивости – различные толкования одного

термина в разных законодательных актах.

Примером наличия у изначально не создававшегося для манипуляции общественным сознанием термина манипулятивного потенциала можно считать формулировку *материнский капитал*. В данном случае возможность манипуляции появляется из-за нарушения принципа терминологической общепотребительности и тесно связана с функционированием соответствующих лексических единиц в естественном языке. В данном случае проблема заключается в неудачном выборе языковых средств для конструирования термина – вместо «нейтрального» слова *родительский*, не допускающего двояких толкований и не имеющего никаких специфических коннотаций ни в юридическом, ни в естественном языке, законодатель использовал слово *материнский*, позволяющее применять терминологическое словосочетание для умышленного обмана граждан и манипуляции их сознанием. Отдельную группу терминов, обладающих ярко выраженным манипулятивным потенциалом (в отдельных случаях – напрямую манипулятивных), составляют словосочетания, включающие расплывчато определяемое слово *пропаганда* (*пропаганда наркотиков, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, пропаганда порнографии, пропаганда русофобии*). Ключевой проблемой при их формировании является некорректное выражение подразумеваемого правового смысла, поскольку слову *пропаганда* каждый раз придается новое значение, отличное от естественного и до конца не проясненное. Кроме того, наблюдается явная смысловая избыточность, при которой терминологические формулировки обозначают уже существующие правовые понятия.

На наш взгляд, основными путями устранения данной проблемы должны стать такие меры, как:

- 1) разработка развернутых и точных определений для уже существующих терминов, чьи дефиниции недостаточно конкретны или отсутствуют;
- 2) ревизия терминологической базы с целью ликвидации манипулятивных формулировок, не несущих реального правового смысла;
- 3) осуществление предварительных лингвистических экспертиз законопроектов, включающих анализ восприятия юридических текстов носителями естественного языка.

В разделе 2.4 рассматриваются дефекты и затруднения, связанные с конструированием новых терминологических единиц и обозначением недавно возникших правовых реалий. Если давно принятые и длительное время функционирующие в правовом поле формулировки можно считать относительно устоявшимися и менее подверженными инотолкованиям и злоупотреблениям, то вновь создающиеся термины, ранее не применявшиеся и не испытанные на практике, чаще содержат дефекты, позволяющие использовать их для манипуляции правосознанием или затрудняющие претворение законодательных норм в жизнь. Можно указать на две противоположные си-

туации, в равной степени проблемные с точки зрения лингвистики, в которых актуализируются наиболее опасные недочеты правовой терминологии: в первом случае речь идет о попытках законодателей создать обозначение для некоего предмета, еще не получившего строго установленного правового смысла (или в принципе не способного им обладать), тогда как во втором можно говорить о сложностях, с которыми законодатель сталкивается при правовом регулировании той сферы, в которой новые реалии возникают с высокой периодичностью. Ситуации первого типа особенно чреватые формированием манипулятивных терминов и возникновением неработающих законов; в случаях, соответствующих второй модели, правотворец рискует «потеряться» в огромных по объему массивах информации, что может угрожать утратой смысловой связи между новыми и уже существующими терминами и в более отдаленной перспективе привести к аналогичным последствиям. В качестве примера ситуации первого типа можно привести группу терминов, введенных в законодательство с целью охраны религиозных убеждений граждан: *религиозные чувства, публичные оскорбления религиозных убеждений и чувств граждан, мировоззренческая символика, богослужение* и другие. При их конструировании законодатель не озаботился приданием вновь возникающим терминам определенного юридического значения, вследствие чего их интерпретация и применение значительно затруднены. Нарушается и требование устойчивости, как в случае со словосочетанием *публичные оскорбления религиозных убеждений и чувств граждан*, где термин *оскорбление* употребляется в ином смысле, нежели подразумевает его дефиниция. Такие терминологические словосочетания, как *религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия России*, нарушают требование терминологической точности и вызывают у адресатов законодательного текста разногласия относительно их трактовки, в результате чего их способность отражать правовые реалии сводится к минимуму.

Другую тенденцию, при которой законодатель не успевает создавать корректные терминологические формулировки для регулирования быстро развивающейся сферы права или не обладает достаточным пониманием новых правовых реалий, иллюстрируют термины из законодательства в области интернет-коммуникации. В одних случаях термины не получают должной расшифровки, вследствие чего точный механизм их применения на практике остается непонятным (*ограничение доступа*), тогда как в других тяжеловесные и расплывчатые формулировки становятся труднопонятными и подверженными множеству противоречивых толкований (*информация, необходимая для получения кино- и телефильмов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, которые распространяются без разрешения правообладателя или иного законного основания*). В ряде случаев термины и терминологические словосочетания, используемые в законодательных актах даже с расшифровкой, могут, тем не менее, на практике трактоваться до-

статочно вольно. Так происходит, к примеру, с термином *персональные данные*, дефиниция которого предельно обширна, декларативна по своей сути и выглядит как «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Использование указанной формулировки приводит к затруднениям при правоприменении, поскольку регулирование и охрана *любой информации* практически трудновыполнимы.

В разделе 2.5 исследуется потенциал терминологических заимствований как метода оптимизации системы российской юридической терминологии. По причине сближения норм российского и международного права, общего развития правовой системы и интенсивного взаимовлияния различных лингвокультур российское право все чаще сталкивается с необходимостью заимствования отдельных терминологических единиц из зарубежной и международной практики. Основными целями заимствования иноязычных юридических терминов, на наш взгляд, являются:

- 1) более точная передача юридического значения того или иного понятия;
- 2) обозначение новой правовой реалии, уже существующей за рубежом, однако в российской практике ранее не использовавшейся;
- 3) унификация терминологии в соответствии с изменяющимися правовыми нормами.

Так, представляется корректным употребление термина *омбудсмен* вместо словосочетания *уполномоченный по правам человека*, с которым он в данный момент функционирует одновременно и в одном значении, для большего соответствия международной практике. Целесообразны также обоснованные заимствования, обозначающие такие правовые реалии, которые являются относительно новыми для российской юридической практики (к примеру, термин *диффамация*). Тем не менее заимствование иноязычных терминов в современном юридическом дискурсе желательны осуществлять лишь в тех случаях, когда оно необходимо и оправдывается объективными причинами, поскольку некритичное внесение в российское законодательство новых терминологических единиц без веской на то причины может привести лишь к обострению существующих проблем.

Раздел 2.6 посвящен обоснованию теоретической модели юридического термина как системы значений. Вывод о том, что толкования одних и тех же терминологических единиц могут оказываться различными в зависимости от области права, в которой они используются, сложившейся правоприменительной практики, компетентности интерпретатора и других факторов, позволяет предположить, что было бы целесообразно рассматривать юридический термин не как некую имманентную константу, обладающую единственным, раз и навсегда установленным значением, а как систему значений, связанных между собой и не обязательно адекватно отражающих истинный пра-

вовой смысл термина. С интерпретационной точки зрения юридический термин можно рассматривать как сложную систему значений, соприкасающихся, но не тождественных и вступающих между собой в иерархические отношения. Среди компонентов такой системы можно условно выделить:

1) естественное значение лексической единицы, выбранной для конструирования нового термина в языке права;

2) значение, придаваемое термину законодателем, подразумеваемое как единственно верное;

3) значение, возникающее при создании дефиниции и непосредственно фиксируемое в тексте законодательного акта, в котором термин впервые используется или истолковывается;

4) значение, появляющееся в процессе правоприменения;

5) значение, придаваемое термину носителями обыденного сознания, не знакомыми с его официальными определениями и трактовками.

Центральным компонентом описанной нами системы значений мы считаем правовой смысл – соответствие, возникающее между терминологической единицей и той юридической реальией, которой он сопоставлен. Правовой смысл является смыслообразующей константой и должен совпадать (хотя бы по большей части) с любыми другими интерпретациями, от подразумеваемого законодателем значения до наивной трактовки. Однако очевидно, что абсолютная тождественность правового смысла и интерпретаций терминологической единицы труднодостижима, особенно если речь идет о значении слова, взятого из естественного языка для терминологизации, и об обязательном восприятии. С этими вариантами интерпретаций смысловое ядро термина соприкасается в наименьшей степени. Таким образом, по отношению к правовому смыслу они будут являться периферийными, тогда как подразумеваемое, фиксируемое и правоприменительное значения окажутся наиболее близкими к нему и, следовательно, наилучшим образом отражающими юридические реалии, заложенные в вербально выраженной формулировке. Максимальное выражение правовой смысл приобретает в фиксируемом значении термина. Одновременно с этим он свойствен подразумеваемому и правоприменительному значениям, однако в первом случае он придается той же самой конструкции, которая в итоге становится значением фиксируемым, а во втором – извлекается из него. В процессе такого обмена правовой смысл может претерпевать искажения, и в итоге возможны ситуации, при которых понимание термина законодателем, его утвержденное значение и трактовка правоприменителем будут достаточно заметно различаться. Чем более полно компоненты системы значений совпадают между собой, тем точнее термин и тем менее ярко выражен его манипулятивный потенциал; в случае же формирования манипулятивного термина может наблюдаться явный разрыв между разными его интерпретациями, т.е. отсутствие прием-

ственности при передаче правового смысла между элементами системы значений.

Суммируя данные, полученные при анализе собранного материала и изложенные нами в этом и предыдущем разделах, мы считаем возможным указать на ряд закономерностей в отношении смысловых модификаций юридических терминов. Выделив из общего массива проанализированных лексических единиц группу терминов, подвергшихся семантическим изменениям, мы разбили ее на несколько подгрупп с целью приблизительного определения частотности различных типов семантических модификаций. Обобщенные результаты анализа представим для наглядности в таблице.

Частотность типов семантических модификаций

Тип семантической модификации	Количество единиц	Процент	Пример
Обусловленные нарушениями требования точности и однозначности	120	45,3	<i>Короткий отрывок</i>
Обусловленные нарушениями требования устойчивости	33	12,5	<i>Склонение к коррупционным правонарушениям</i>
Обусловленные излишней декларативностью формулировок или дефиниций	21	7,9	<i>Персональные данные</i>
Обусловленные манипулятивностью терминологических единиц	48	18,1	<i>Традиционные семейные ценности</i>
Обусловленные наличием у терминов манипулятивного потенциала	43	16,2	<i>Материнский капитал</i>
<i>Итого</i>	265	100	—

В результате проведенного анализа установлено, что наибольшее (более 45%) количество смысловых модификаций (возможных неверных интерпретаций, случаев потери или неверной передачи правового смысла, закрепления за терминологическими единицами фактически некорректных значений) связано с нарушениями требования точности и однозначности юридиче-

ских терминов, т.е. отсутствием или некорректностью дефиниций, неправильным словоупотреблением, размытостью при выражении юридического значения. На наш взгляд, это связано с неизбежными трудностями, возникающими в силу расхождения между естественно-языковыми и юридическими значениями терминологизируемых слов, а также с типичными погрешностями юридической техники и психологическими особенностями законотворцев, считающих собственные интенции априори ясными и однозначно трактуемыми, а нормы естественного языка – вторичными по сравнению с правовыми. Менее частотны смысловые модификации, связанные с нарушениями требования устойчивости и системности (12,5%), однако зачастую они проявляются даже более отчетливо, поскольку подразумевают расхождения между трактовками одних и тех же терминологических единиц в разных правовых актах (иногда даже в рамках одного законодательного акта), некорректное применение уже известных терминов для создания новых словосочетаний с ними, использование терминологических единиц применительно к тем областям права, для регулирования которых они изначально не предназначены. Причины возникновения модификаций этого типа мы видим в общем несовершенстве терминосистемы права, требующей унификации, и в склонности законодателей использовать клишированные формулировки без учета их подлинного смысла и специфики конкретных отраслей права. Относительно малочисленны (менее 8%) формулировки, семантические модификации которых обусловлены чрезмерной декларативностью самих терминов или их дефиниций; это связано с тем фактом, что в большинстве случаев законодатель все же стремится к конкретности, однако в стремлении предупредить максимальное количество возможных правовых ситуаций, в которых термин может применяться, пытается принимать крайние меры, составляя крайне общие и потому громоздкие, практически неприменимые в силу своей всеобъемлющей природы определения. Также выявлены случаи семантических модификаций, связанных с манипулятивностью и манипулятивным потенциалом терминологических единиц, в совокупности составляющие более трети от состава исследованной группы. Если причины возникновения манипулятивного потенциала у терминов в целом те же, что и обуславливающие нарушения требования однозначности, то прямо манипулятивные термины осознанно создаются с расчетом на введение адресата законодательного текста в заблуждение и выражают попытки законодателей решить сиюминутные задачи, скрыть подлинные намерения или замаскировать отсутствие реальных правовых изменений.

В заключении диссертационного исследования подводятся итоги выполнения поставленных целей и задач, приводится обобщенная статистика, намечаются перспективы дальнейшей научной деятельности по анализу смысловых модификаций юридических терминов в российском законодательстве.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Мартышко, Н. Ю. Оскорбление чувств верующих в современных российских массмедиа: законодательный и этический аспекты / Н. Ю. Мартышко // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2013. – № 4. – С. 24–28 (0,625 п.л.).
2. Мартышко, Н. Ю. Современный законодательный дискурс: юридическая терминология и правовое сознание / Н. Ю. Мартышко // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2014. – № 2. – С. 28–33 (0,75 п.л.).
3. Мартышко, Н. Ю. Функционирование манипулятивных формулировок в современном российском законодательстве / Н. Ю. Мартышко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. – 2014. – № 5 (90). – С. 11–16 (0,75 п.л.).

*Статьи в сборниках научных трудов и материалов
научных конференций*

4. Мартышко, Н. Ю. О несовершенстве формулировки «материнский капитал», используемой в федеральном законе / Н. Ю. Мартышко // Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения: материалы Междунар. науч. интернет-конф. г. Волжский, 1–30 апр. 2010 г. / ВолГУ, Волжский гуманитарный ин-т. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2010. – С. 126–128 (0,2 п.л.).
5. Мартышко, Н. Ю. О манипулятивном потенциале некоторых юридических терминов / Н. Ю. Мартышко // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Ростов-на-Дону, 15 нояб. 2011 г. / Юж. фед. ун-т; отв. ред. Ю. В. Меликян. – Ростов н/Д.: Рост. кн. изд-во, 2011. – С. 111–119 (0,6 п.л.).
6. Мартышко, Н. Ю. Типовые трудности терминологизации единиц естественного языка в юридическом тексте / Н. Ю. Мартышко // Материалы науч.-практ. конф. «Интегрированные коммуникации 2012». Москва, 17 апр. 2012 г. / Высшая школа экономики. – М.: АПК и ППРО, 2012. – С. 168–179 (0,75 п.л.).
7. Мартышко, Н. Ю. Формулировка «пропаганда гомосексуализма» как пример юридического термина, не имеющего определенного значения /

Н. Ю. Мартышко // Актуальные проблемы современной коммуникативной культуры: вопросы теории и практики : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 19–20 апр. 2012 г.): в 2 т. / под ред. Л. В. Гордеевой, Т. Ю. Зотовой. – В 2 т. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2012. – Т. 1. – С. 186–188 (0,2 п.л.).

8. Мартышко, Н. Ю. К вопросу о терминологических заимствованиях в современном юридическом дискурсе / Н. Ю. Мартышко // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 20–21 апр. 2012 г. / Рос. ун-т дружбы народов. – М.: РУДН, 2012. – С. 113–115 (0,2 п.л.).

9. Мартышко, Н. Ю. Интерпретационный подход к изучению проблемы точности и однозначности юридических терминов / Н. Ю. Мартышко // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. интернет-конф. г. Ростов-на-Дону, 15 нояб. 2012 г. / Юж. фед. ун-т; отв. ред. Ю. В. Меликян. – Ростов н/Д.: Дониздат, 2012. – С. 43–49 (0,5 п.л.).

10. Мартышко, Н. Ю. Закон РФ «О средствах массовой информации» : о проблеме нарушения требования терминологической точности и однозначности / М. Р. Желтухина, Н. Ю. Мартышко // Вторая Международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах»: материалы конференции. – М.: МедиаМир, 2012. – С. 141–146 (авт. – 0,2 п.л.).

11. Мартышко, Н. Ю. К определению понятий «юридический язык», «юридический текст» и «юридический термин» / Н. Ю. Мартышко // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы VII Междунар. науч. конф. г. Волгоград, 6 февр. 2013 г. / сост. Н. Н. Остринская, А. В. Простов. – Волгоград: Парадигма, 2013. – С. 408–413 (0,4 п.л.).

12. Martyshko, N. Yu. Legal Manipulations in Modern Media / N. Yu. Martyshko // Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics – Proceedings of the Xth International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics / N. V. Ufimtseva, A. A. Stepanova, D. V. Makhovnikov, L. S. Zhukova, eds. – Moscow : RUDN; Institute of Linguistics RAN; MIL, 2013. – P. 167–168 (0,2 п.л.).

13. Мартышко, Н. Ю. Лингвистическое несовершенство российского законодательства как препятствие для эффективного правового регулирования электронной коммуникации / Н. Ю. Мартышко // Человек и его дискурс-4: кол. моногр. / ВГСПУ; ИЯ РАН; отв. ред. М. Р. Желтухина. – М. : ИЯ РАН; Изд. центр «Азбуковник», 2014. – С. 182–186 (0,5 п.л.).

МАРТЫШКО Никита Юрьевич

СМЫСЛОВАЯ МОДИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ
В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати . Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27